РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРИКЛАДНОЙ И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ

№ 157

Российская книжная палата
Обязательный экземпляр

С.К. СМИРНОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ

Москва
2002

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 157

С.К. СМИРНОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ

Москва
2002

ISBN 5-201-13758-x (18)

© Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии»
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 157.

Редакционная группа:
В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 157

С.К. СМИРНОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ

Работа выполнена в ЦИМО ИЭА РАН в рамках проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций» (автор и руководитель проекта д.и.н., проф. М.Н. ГУБОГЛО) на материалах этносоциологических опросов, проведенных весной 2002 г. в четырех республиках Приволжского федерального округа.

Об авторе

Смирнова, Светлана Константиновна – Заместитель председателя Комитета по делам федерации и региональной политики Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации. Кандидат наук, занимается разработкой проблем национальной, молодежной и региональной политики. Автор и редактор около 100 научных публикаций, посвященных нациестроительству, межэтническим процессам, этногосударственным отношениям, этнополитической ситуации в Российской Федерации вообще и в Удмуртской республике, в частности.

About the Author

SMIRNOVA, SVETLANA K.

Deputy Chairperson of the Committee for Federal Affairs and Regional Policy of the State Duma, Federal Council of the Russian Federation. Sphere of research interests: national problems, youth and regional policies. Author and Editor of about 100 academic publications on nation-building, ethnic processes and ethnopolitics.

Summary

SMIRNOVA, S.K. CONTEMPORARY ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN UDMURTIA.

The author argues that an important part of transformation process in contemporary Udmurtia are changes in citizens' perceptions of values and democracy principles, of the USSR, of Russia's situation, of motherland and the people, of election systems and electoral behavior. New criteria of electoral behavior and trusting the leaders are discussed. Decreasing tolerance is viewed as a trigger for conflict, and concern is expressed about intolerance replacing traditional solidarity of sound inter-ethnic relationships.

Трудное прощание с Советским Союзом

Социально-политические процессы, вызванные распадом СССР, ввергли народы России в пучину потрясений, неуверенности в будущем. И сегодня, не только перед участниками популярного симпозиума, но и перед значительным большинством населения особую актуальность приобретают вопросы типа: «Куда идет Россия…?»[1].

Попытки отыскать спасительный компас в виде национальной идеи, которая указывала бы широким народным массам путь, по которому следует идти, пока не увенчалось успехом. Случайный выбор хлестких идеологем, выдвигаемых в качестве стимуляторов воспитания толерантности, углубление солидарности – государственничество, патриотизм, державность, согражданство, государственный (в отличие от этнического – С.С.) национализм, увы не формируют у нынешних граждан ощущения общей цели и общих задач.

Предложенные В.В. Путиным новые политические реформы по укреплению вертикали власти вызвали горячую поддержку одной части населения и грубое отторжение другой.

«Печальный парадокс нынешней ситуации, – как отмечают авторитетные ученые Института социологии РАН, … состоит в том, что демократические ценности, не успев войти в общественную практику, подверглись жесткому испытанию из-за провалов радикально-либеральной политики»[2]. «Демократические институты власти, – по словам А.Б. Вебера, А.А. Галкина, Ю.А. Красина, – оказались заложниками государственно-бюрократических, олигархических и криминальных структур»[3]. Этнополитические трансформации в регионах России, в том числе и в Удмуртии, придали уродливый характер постсоветской модернизации и поставили население перед нелегким испытанием. Это испытание, обернувшееся проблемой выживания, не все люди сумели выдержать. Выход из лабиринта сложнейших демографических, экономических, социокультурных ситуаций обусловил острую потребность в переоценке многих из прежних ценностей. Нелегкий путь за первое постсоветское десятилетие прошла и Удмуртия. В ее политическом и социально-экономическом развитии эксперты из Удмуртии выделяют три периода, связанных с преобразованиями в сфере этногосударственных отношений, формированием и функционированием органов государственной власти. Согласно этой периодизации ключевым содержанием первой половины первого постсоветского десятилетия (1990–1995 гг.) является наполнение провозглашенного суверенитета реальным содержанием, преобразование прежней и формирование новой структуры органов государственной власти и местного самоуправления. Рубежом и венцом этого периода является принятие 7 декабря 1994 г. новой Конституции Удмуртской Республики.

Второй период постсоветской истории Удмуртии охватывает второе пятилетие последнего в XX в. десятилетия. Важнейшим событием этого периода стало формирование и деятельность нового органа высшей государственной власти – Государственного Совета Удмуртской Республики. Политической акцией высокого ранга стало подписание в Москве 17 ноября договора «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Удмуртской Республики» и девяти Соглашений[4]. Далеко за

пределы Удмуртии выдвинулось значение разработанного в республике законодательства по местному самоуправлению[5], сопровождавшегося всесторонним дискурсом и острой полемикой.

В третьем периоде, совпавшим с последним годом прошлого тысячелетия, Удмуртия стала президентской республикой. Политической жизни республики были приданы новые импульсы, во-первых, приведение Конституции Удмуртской Республики и других ее законодательных актов в соответствие с законодательством Российской Федерации, выборы первого Президента Удмуртской Республики[6].

Благодаря усилиям авторитетных ученых Удмуртской Республики, в трудах которых освещается ход, характер и важнейшие итоги современных трансформационных процессов, формируется, можно сказать, новое научное этнополитическое направление. Серьезный вклад в разработку этого направления внесли исследования Б.П. Басова[7], В.Е. Владыкина, В.С. Воронцова и Т.Н. Ефремовой, А.Д. Кириллова, К.И. Куликова, Г.П. Овчинникова, К.А. Пономарева, Л.П. Порцевой, И.Ф. Сергеенковой, З.В. Суворовой, В.Г. Томшич, Т.С. Томшич, Н.А. Шкляева, Л.С. Христолюбовой, Ю.А. Щипакина.

Для определения общего вектора трансформационных процессов за истекший постсоветский период Президент Удмуртской Республики А.А. Волков в одном из своих интервью нашел емкую формулу: «Удмуртия выстояла». Этим сказано многое, и особенно в связи с тем, что оказавшись перед вызовами неминуемой модернизации и назревшей суверенизации, Удмуртии предстояло в начале 1990-х гг. сделать принципиальные выборы в своей стратегии и тактике. «Можно было, – как перечислял альтернативные пути развития республики А.А. Волков, – воспользоваться ослаблением федеральных связей и начать отстаивать перед Москвой свои внутриреспубликанские интересы, требовать для Удмуртии особых прав и привилегий. Но это было чревато ростом межнациональной напряженности, сепаратистских тенденций и, что не менее важно, не согласовывалось с господствовавшими в нашем обществе настроениями. Можно было попытаться компенсировать травму «шоковой терапии» проеданием довольно скудных ресурсов, которые еще остались в республике. Но таким образом мы только оттягивали бы неизбежный системный кризис. И, наконец, можно было попытаться сконцентрировать эти ресурсы на стратегически важных направлениях. Мы выбрали третий и не ошиблись»[8].

К началу нового тысячелетия Удмуртия пришла, пройдя нелегкий путь между Сциллой тяжких проблем прошлого и Харибдой вновь возникающих. Главной стратегией в дальнейшем продвижении Удмуртии по пути модернизации и обновления жизни, как и определил А.А. Волков, являются поиски рационального соотношения интересов общества и государства, человека и действующих на него разнообразных экономических и социально-политических сил, определить долгосрочные , внятные и принимаемые большинством населения ценности и приоритеты[9]. Еще одно понятие «большинство населения», ангажированное А.А. Волковым для характеристики современных задач и проблем Удмуртии, имеет глубокий социологический смысл. Речь по сути дела идет о концептуально-инструментальном переоснащении тех научных направлений, перед которыми стоит задача глубокого анализа хода и итогов современных трансформационных процессов. Исторический опыт советского образа жизни позволил социологам выявить научную и

практическую неплодотворность, а порой и фактическую неверность применения понятия «трудящиеся» применительно только к рядовым работникам, занятым различными видами неквалифицированного и квалифицированного труда. На самом деле нерядовые работники, например, люди творческих профессий, руководители среднего и высшего звена, некоторые депутаты и политики трудились не меньше, если не больше, чем рядовые. Поэтому интерпретация их труда «непроизводительным» и выведение работников умственного труда и руководителей за скобки «народного большинства» принимало первостепенную роль и затмевало функции научных, административных, профессорско-преподавательских и политических элит в жизни современного общества. В связи с этим представляется целесообразным согласиться с предложением Л.А. Гордона и Э.В. Клопова заменить формулу «трудящиеся» массы в качестве обозначения совокупности рядовых работников формулой «народное большинство»[10].

Для фиксации и анализа не только знаков и значений, но и реальных фактических перемен в политическом и гражданском сознании народного большинства, в программе исследования были предусмотрены процедуры по выявлению динамики представлений различных групп населения о распаде Советского Союза, чувстве Родины, об отношении и участии в политике, о критериях поведения перед урной в ходе избирательных кампаний, о требованиях, предъявляемых к кандидатам в депутаты и на другие выборные должности, о степени доверия центральным и местным государственным органам, о некоторых аспектах внешней политики. Впервые, в широком масштабе, были, в частности, проведены опросы об отношении взрослого населения Удмуртии к военным действиям США в Афганистане, о наличии американских военных баз в Узбекистане, о пребывании американских военных советников в Грузии.

При этом центральной задачей выявления мнений граждан об этих новейших ситуациях заключалась не столько в онтологической стороне дела, сколько в необходимости «замера» уровня и степени солидарности (единства взглядов и позиций) различных групп населения.

В течение первого десятилетия после распада Советского Союза, пожалуй, не было вопроса, более часто включаемого едва ли не в программу всех социологических опросов, чем два вопроса: об отношении к распаду СССР и об определении того, что для человека, вступившего в постсоветский период, является Россией.

Великие империи не исчезают, во-первых, сами по себе, во-вторых, не оставляя следы в истории. Десятилетие, истекшее после распада Светского Союза, разумеется, слишком короткий исторический срок, чтобы искоренить корневую приверженность народного большинства к опыту и достижениям многовековой истории, к традициям совместно прожитой и набору разделяемых ценностей. Устойчивым элементом в представлениях граждан России, в том числе и Удмуртии, остается неверие и сомнение в исторической целесообразности развала великой страны. Переломным моментом в переосмыслении острой ностальгии по утерянной великой державе, по-видимому, явилась середина 1990-х гг. Обратимся к фактам, т.е. к оценочным мнениям граждан России и Удмуртии.

В отличие от декабря 1993 г., когда каждый пятый респондент по общероссийской выборке признал распад Союза полезным или скорее полезным, чем вредным, через два года, во время очередных выборов в Федеральное Собрание Российской Феде-

рации, лишь немногим более, чем каждый десятый сохранил или подтвердил такую же точку зрения. Удельный вес тех, кто признавал распад Союза скорее вредным, чем полезным или безоговорочно вредным за этот же промежуток времени возрос с 69,8 % до 77,2 % (см. табл. 1).

Таблица № 1
Динамика отношений к распаду Советского Союза в первой половине 1990-х гг.
(в % по итогам опроса по общероссийским выборкам)[11]

Как расценивают распад Советского Союза	*1993*	*1995*
Он был полезен	9.5	4.8
Он был скорее полезен, чем вреден	11.2	8.6
Он был скорее вреден, чем полезен	19.7	21.2
Он был вреден	50.1	56.0
Затруднились ответить	9.6	9.3

Процессы и уровни эмоциональной ностальгии недвусмысленным образом корреспондировали с установками граждан на восстановительные процессы. В ходе социологических опросов, проведенных в 1996 г. ЦИМО ИЭА РАН совместно с Центром конфликтологии Института социологии РАН, Институтом государства и права РАН и Фондом М.С. Горбачева по исследовательскому проекту «Урегулирование и предотвращение межнациональных конфликтов в изменяющемся российском обществе»[12] в четырех городах Российской Федерации было выявлено, что 64,9 % жителей Омска, 67,3 % – Краснодара, 59,8 % – Уфы и 81,1 % – Майкопа выразили готовность поддержать инициативу, если бы какие-либо из государств – бывших республик СССР – решили бы вновь объединиться с Россией. Против этой идеи высказались 22,0 % жителей Уфы, 14,8 % Краснодара, 13,9 % Омска и 7,8 % – Майкопа (см. табл. 2).

Таблица № 2
Отношения к идее восстановления СССР
(в % по итогам опроса n-802, 1996, май)

Если бы какие-либо из государств – бывших республик СССР – решили бы вновь объединится с Россией. Поддержали бы это намерение или нет?	*Города*				
	все n-802	*в том числе:*			
		Уфа n-291	*Омск n-259*	*Краснодар n-162*	*Майкоп n-90*
1. Поддержали бы	65.3	59.8	64.9	67.3	81.1
2. Были бы против	16.3	22.0	13.9	14.8	7.8
3. Безразлично	8.5	8.6	10.0	6.8	6.7
4. Затруднились ответить	9.9	9.6	11.2	11.1	4.4

Сопоставление результатов этносоциологических опросов, проведенных в Удмуртии по сопоставимым программам в 1993 и 2002 гг., дают основания для вывода о том, что уже во второй половине первого постсоветского десятилетия в оценках граждан последствий развала Союза, произошел перелом. Удельный вес населения Удмуртии, считающего распад Союза полезным, увеличился за девятилетний период, с 21,2 % до 28,3 %, т.е. на 7,1 %, в то время как доля тех, кто признавал распад вредным, сокращалась с 67,4 % до 51,3 %, или на 16,1 %. За этот же период удвоилась часть населения (с 11,5 % до 20,4 %), не имеющего определенного мнения и потому затруднившегося дать ответ на этот не простой для себя вопрос (см. табл. 3).

Конечно, данные, полученные по Удмуртии о сокращении ностальгических настроений и о смещении настроений из разряда ностальгических в разряд сомневающихся, было бы не вполне корректно экстраполировать на всю Россию.

Более важно в данном случае на примере Удмуртии рассмотреть не межрегиональные, а внутрирегиональные, в том числе межэтнические различия в оценочных суждениях народного большинства о распаде СССР. С известной долей осторожности можно утверждать, что баланс позитивных и негативных оценок по поводу распада СССР является своеобразным приговором итогам современных трансформаций, суверенизационным процессам в Удмуртии и консолидированным процессам в России. Если возрастает позитивная оценка развала, значит в чем-то жизнь становится лучше той, что была во времена Союза, если же расширяются ряды негативно оценивающих развал, значит жить им сегодня по сравнению со вчерашним – невмоготу.

За девять лет (1993–2002гг.) доля удмуртов, позитивно оценивающих распад Советского Союза («скорее полезен, чем вреден» и «полезен») увеличилась на 17,1 %, с 14,4 % до 31,7 %, русских – с 23,2 % до 25,6 % (прирост всего – 2,4 %), других национальностей – с 30,3 % до 32,3 % (прирост – 2,0 %). В итоге размах вариации между занимающими полярные позиции в 1993 г. удмуртами и другими сократился в 2002 г. с 15,7 % до 6,7 %. Следовательно произошло существенное сближение в признании полезности распада Союза. Существенную роль, в форсированном формировании подобной точки зрения среди удмуртов, видимо, сыграла разработанная руководством Удмуртской Республики целенаправленная национальная политика, предусматривающая создание некоторых благоприятных условий для этнополитического и социокультурного развития удмуртов, и росте их национального самосознания.

Немаловажное значение, в частности, имело констатирующее признание удмуртов нацией, имеющей право на самоопределение. Об этом прямо говорится в ст.1 Конституции Удмуртской Республики. «Удмуртская Республика – Удмуртия – согласно основам конституционного строя, – государство в составе Российской Федерации, исторически утвердившееся на основе осуществления удмуртской нацией (подчеркнуто мной – С.С.) и народом Удмуртии своего неотъемлемого права на самоопределение и суверенно осуществляющую государственную власть на своей территории»[13].

В балансе общей оценки полезности или вредности распада СССР имеет смысл отделить политическую составляющую от экономических и социокультурных. Можно допустить, что становление политического и экономического аспектов могут не совпадать или действовать противоположных направлениях. Доля удмуртов, признающих распад Союза вредным («вредным» и «скорее вредным, чем полезным») сократилась за 9 лет на 24,4 % (с 70,4 % до 46,0 %), доля русских – с 66,7 % до 60,7 %, других – с 60,7 % до 46,5 %. Следовательно размах вариаций, составляющих в 1993 г. 9,7 % (между удмуртами и русскими) возрос в 2002 г. до 14,7 % (между удмуртами и русскими) (см. табл. 3). Понятно, что вместе с размахом вариации возросла межэтническая поляризация негативной оценки распада Союза.

Отношение к развалу Советского Союза формировался под воздействием сложной совокупности объективных и субъективных факторов. Многое зависело от позиции республиканского руководства, курса национальной политики, интенсивности этнической мобилизации, выраженной в идеологии и программатике национальных движений.

Таблица № 3
Динамка отношений к распаду Советского Союза (в % по итогам опроса)

Как расценивают распад Советского Союза	*Национальности*							
	все		*в том числе:*					
			удмурты		*русские*		*другие*	
	1993	*2002*	*1993*	*2002*	*1993*	*2002*	*1993*	*2002*
1. Распад был вреден	40.3	24.9	44.4	23.0	38.6	27.2	37.1	18.2
2. Скорее вреден, чем полезен	27.1	26.4	26.0	23.0	28.1	28.2	23.6	28.3
3. Скорее полезен, чем вреден	12.8	16.3	7.0	17.7	14.7	15.2	20.2	18.2
4. Распад был полезен	8.4	12.0	7.6	14.0	8.5	10.4	10.1	14.1
5. Затруднились ответить	11.5	20.4	14.9	22.4	10.1	19.0	9.0	21.2

В известном смысле лакмусовой бумажкой состояния двух векторов этнической реальности – атмосферы межэтнических отношений и темпов роста национального и гражданского самосознания во второй половине 1990-х гг. является отношение титульной и русской молодежи в столицах республик Российской Федерации к распаду СССР.

Этносоциологические исследования, проведенные весной 1997 г. ЦИМО ИЭА РАН в 16 столицах Российской Федерации, позволили выявить принципиальные различия и сходства в представлениях 17–18-летних юношей и девушек по вопросу об их отношении к распаду СССР[14].

Прежде всего, обращает внимание факт чрезвычайной осторожности, проявленной молодежью по выявлению своей позиции к распаду великой державы: 40,4 % титульной и 36,3 % русской молодежи в среднем по 16 столицам испытали затруднения при ответе на вопрос анкеты.

Усредненные показатели, полученные в 16 столицах, показали сходное распределение позитивной и негативной оценки развала Союза в мнениях титульной и русской молодежью. В самом деле, 30,5 % титульной и 28,4 % русской молодежи считали развал СССР полезным. Данные по Ижевску в целом были близки со средними показателями остальных 15 столиц. Незначительное отличие от средних показателей состоял в том, что русская молодежь на 4,1 % больше, чем удмуртская, оценила развал полезным актом истории (см. табл. 4). Соответственно показатели ижевской молодежи по негативному отношению к развалу СССР были близкими к средним показателям по остальным 15 столицам. Удельный вес удмуртской молодежи, негативно оценивающей развал страны, составил 27,3 %, русской – 32,4 %, против – 29,3 % и 35,3 % в среднем по всем 16 столицам в республиках Российской Федерации.

Однако подобная удмуртской модели близость данных к средним показателям не была характерной для молодежи многих других столиц. Так, например, размах вариации между занимающими полярные позиции по доле адыгейцев (44,9 %) и мордвы (22,1 %), считающих развал СССР полезным делом, составлял значительную величину – 22,8 %. Иными словами, среди адыгейской молодежи масштабы отрицательного отношения к бывшему СССР (полезен развал) были в два раза шире, чем среди молодежи мордовской национальности. Наряду с адыгейскими лидерами одобрительное отношение к развалу СССР была у титульной молодежи в столицах Тувы (40,0 %), Якутии (37,6 %), Калмыкии (35,3 %), Бурятии (33,7 %). Аутсайдерами являлась молодежь титульной национальности в столицах Мордовии, Коми и Марий-Эл республиках (см. табл. 4).

Представления русской молодежи о распаде СССР, в известной степени, зависели от этнополитических ситуаций в республиках проживания, но все же менее отлича-

лись друг от друга по сравнению с различиями в представлениях титульной молодежи. Размах вариации между занимающими полярные позиции русскими в Якутске (36,8 %) и Нальчике (22,9 %) составлял 13,9 %, что на 8,9 % было меньше, чем аналогичный показатель по титульной молодежи. Наиболее глубокой линия расхождений по вопросу о полезности развала Союза была выявлена между молодежью Кызыла (12,8 %) и Майкопа (17,2 %).

Среди русской молодежи Ижевска вопреки общей тенденции даже несколько чаще (32,4 % против 28,3 %) удмуртская оценивала полезным распад Союза (см. табл. 4).

Таблица № 4
Отношение к распаду Советского Союза среди столичной молодежи 16 республик Российской Федерации (в % по итогам опроса 1997 г.)

Республики	*Всего опрошено n=*	*Как расценивают распад СССР*					
		был полезен		*был вреден*		*затрудняюсь ответить*	
		титульные	*русские*	*титульные*	*русские*	*титульные*	*русские*
В среднем по все республикам	14129	30.4	28.4	29.3	35.3	40.4	36.3
Удмуртия	873	28.3	32.4	27.3	32.4	44.4	35.3
Адыгея	815	44.9	27.7	18.9	33.5	36.2	38.8
Башкортостан	1134	32.1	29.2	23.6	28.8	44.3	42.1
Бурятия	843	33.7	30.7	25.1	33.1	41.1	36.3
Дагестан	919	31.9	24.5	33.6	43.8	34.5	31.6
Кабардино-Балкария	963	26.1	22.9	33.5	48.8	40.3	28.2
Калмыкия	800	35.3	31.0	26.3	29.8	38.4	39.3
Карелия	960	27.6	25.7	33.9	37.5	38.4	36.8
Коми	878	23.8	29.1	31.9	36.3	44.3	34.7
Марий Эл	819	24.7	27.0	36.1	42.9	39.2	30.1
Мордовия	889	22.1	24.4	32.0	35.5	45.1	40.1
Северная Осетия	857	30.3	27.1	38.4	44.0	31.3	29.0
Татарстан	841	27.7	30.3	16.9	23.3	55.4	46.4
Тува	803	40.0	27.2	18.0	33.0	42.0	39.8
Чувашия	898	25.0	28.0	37.3	38.3	37.7	33.7
Якутия	837	37.6	36.8	25.3	31.2	37.1	32.0

Что есть Родина?

Свято место пусто не бывает. После развала СССР в государственной самоидентификации его граждан возникли серьезные проблемы. Они были вызваны процессами маргинализации гражданской идентичности, вызванными в свою очередь тем, что для одной части населения в качестве политической Родины осознавалась Россия, для другой – республика проживания, а третьи настаивали на том, что у них нет иной Родины, кроме СССР. Своего пика ностальгические настроения, связанные с чувством Родины, видимо, достигли к середине 1990–х гг. Во всяком случае за два года, между выборами 1993–1995 гг. доля граждан России, считавших бывший Советский Союз своей Родиной, не убавилось, а возросла почти на 6,0 % (с 29,2 % до 35,1 %). Синхронно, в том же направлении протекали прямо противоположные процессы формирования чувства Родины к республике проживания. Удельный вес россиян, считающих Родиной республику проживания, возрос на 7,6 % (см. табл. 5).

Таблица № 5
Что есть Родина? (в % по итогам опросов по общероссийской выборке)[15]

Что является для респондентов Родиной	*1993*	*1995*
Россия	52.6	38.1
бывший Советский Союз	29.2	35.1
Республики, в которых живут	15.0	22.6
Затруднились ответить	3.3	4.2

Итак, в стране возникла неслыханная ситуация, чем-то отдаленно напоминающая гражданам бывшего Советского Союза, что они оказались в состоянии внутренней эмиграции или диаспоры. В самом деле, великое государство исчезло с политической карты мира, а его граждане не хотели примириться с его исчезновением. Нечто подобное, но в другом историческом контексте, не в рамках России, а за ее пределами имело место в рядах российской эмиграции, собравшейся 3 апреля 1926 г. на съезд русской диаспоры в Париже, в отель «Majestic». Участие 400 делегатов из почти всех европейских государств дало основание известному американском историку Ричарду Пайпсу считать этот съезд русской диаспоры едва ли не самым значительным событием после разгона в январе 1918 г. Учредительного Собрания России. И хотя в докладах, представленных к съезду русской диаспоры, речь шла о разных проблемах, в том числе о положении русских в эмиграции, о неотложных задачах, стоявших перед диаспорой, всех их объединяло одно: чувство самоотождествления эмигрантов с Родиной. Подобный настрой, по словам Р. Пайпса, основательно изучившего материалы этого съезда, был настолько всеохватывающим, что в один из дней делегаты, среди которых было много белогвардейцев, единодушно проголосовали за прощение тех своих коллег, кто в годы Гражданской войны воевал на стороне «красных». Принятые съездом документы (резолюции) несли в себе дух толерантности, так как в них не содержалось и намека на стремление к реваншу или на реставрацию Императорской России.

В постсоветской России люди, не покинувшие свою Родину, но не согласные с тем, что перестал существовать СССР, и не думали создавать какие-либо партии и движения с целью реставрации социалистического государства. Разочарование от негативного опыта социальных трансформаций, жестокий ожог от шоковой терапии Егора Гайдара 1992 г., расстрел Белого дома осенью 1993 г., рост недоверия к демократии как форме правления, зафиксированный социологами сразу же спустя год-полтора после начала радикально-либеральных реформ[16], привели к «откату» общественного сознания от демократических завоеваний романтического периода реформации[17].

Ностальгические настроения по бывшему Советскому Союзу, проявляемые в разной форме, то как сожаление о распаде, то как желание восстановить бывший Союз, или, наконец, в форме признания СССР своей Родиной, даже когда само это государство уже перестало существовать, представляет собой важную часть современного менталитета. Они обусловлены объективными факторами макро-микросреды, социально-экономическим положением, этнополитической ситуацией и даже уровнем своего материального благополучия и социального самочувствия. По возрастающей или убывающей доле граждан, считающих своей Родиной, можно с долей осторожности судить о нынешнем состоянии дел в России.

За 9 лет между 1993 и 2002 гг. удельный вес взрослого населения, считающего бывший СССР своей Родиной, сократился с 22,3 % до 15,4 %. Соответственно возросли контингенты населения, считающих Родиной Россию (с 35,4 % до 39,3 %) и Удмуртию (с 38,0 % до 41,0 %)[18] (см. табл. 6).

В то время как среди удмуртов ослабление осознания СССР в качестве Родины (–7,9 %) компенсировалось усилением России как Родины (+12,1 %), среди русских утрата (–7,1 %) ощущения СССР как Родины восполнилось новым чувством Удмуртии в качестве Родины (+5,4 %).

В выявленном опросе разновекторность формирующегося гражданского самосознания, постсоветский поворот удмуртов к России как своей Родине, а русских к Удмуртской Республике, имеет глубокий социологический и этнополитический смысл.

Позитивное значение этой разновекторности, остающейся незамеченной ни аналитиками, ни тем более политиками, состоит в том, что она является не символическим призраком, а проявлением формирующегося согражданства. Более того, «потепление» взгляда удмуртов на Россию, а русских на Удмуртию как на свою Родину, свидетельствует о развитии в Республике взаимостимулируемых стабилизационных тенденций, в том числе в форме наметившегося улучшения удмуртско-русских взаимоотношений.

Несколько выделяются в этой ситуации позиции и взгляды национальных меньшинств, расселенных в Удмуртии. Среди них, как показал опрос, подчас действуют тенденции прямо противоположные тем, что среди удмуртов и русских. Скажем, к примеру, что среди других национальностей за 9 истекших после развала СССР лет не сокращалась, а выросла (хоть и незначительно, но важно зафиксировать тенденцию!) доля лиц, признающих бывший Советский Союз своей Родиной, и, наоборот, упала в весе доля тех, для кого Родиной является Удмуртская Республика (см. табл. 6).

Таблица № 6
Что есть Родина? (в % по итогам опроса)

Что считают своей Родиной	*Национальности*							
	все		*в том числе:*					
			удмурты		*русские*		*другие*	
	1993	*2002*	*1993*	*2002*	*1993*	*2002*	*1993*	*2002*
1. Удмуртия	38.0	24.6	59.7	44.5	27.8	15.2	31.5	9.1
2. Россия	35.4	39.3	17.8	29.9	43.5	44.1	42.7	44.4
3. Бывший Советский Союз	22.3	15.4	18.1	10.2	25.3	18.2	16.9	18.2
4. Город, в котором живу		16.4		13.1		18.0		19.2
5. Затруднились ответить	4.2	4.3	4.4	2.3	3.4	4.6	9.0	9.1

Представления о главных ценностях демократии

Уроки и пороки социальных трансформаций отражаются в представлениях граждан о сути и главных ценностях демократии. Вряд ли можно получить динамический портрет современного жителя России, в том числе и Удмуртии, не выясняя место демократии и ее составляющих компонентов в иерархической структуре ценностей.

В ходе опроса по общероссийской репрезентативной выборке самым главным компонентом демократии 41,5 % взрослого населения считали «законность и правопорядок». Второе и третье место в иерархической структуре ценностей демократии 15,5 % россиян назвали свободу личности и 14,8 % – власть народа. На четвертом месте с десятикратным разрывом от «законности и пра-

вопорядка» и почти с четырехкратным отставанием от «свободы личности» и «власти народа» оказалась «частная собственность», собравшая низкий урожай голосов в 4,1 %. И, наконец, на последнем месте в перечне из пяти предложенных на выбор ценностей демократии оказался «учет интересов национального меньшинства» (2,4 %). В этой удивительно незрелой структуре представлений о демократии, когда общепризнанные признаки демократии – свобода и собственность в совокупности получили всего 19,6 % голосов опрошенных, что в итоге составило долю, в два раза меньшую, чем удельный вес лиц, отдавших предпочтение «законности и правопорядку», отчетливо проявлялась особенность переходного периода в истории России (см. табл. 7).

Весенний опрос (2002 г.) в Удмуртии показал, что значительная часть населения Республики (44,0 %) считает самым главным в демократии – законность и правопорядок. Так думают 45,1 % удмуртов, 44,3 % русских и 38,4 % других национальностей. Строго говоря, данные опроса по общероссийской выборке 1993 г. по общереспубликанской в Удмуртии 2002 г. не сопоставимы. Тем не менее, нельзя не обратить внимания на то, что представления о главном в демократии, развивались одновременно в двух противоположных направлениях. Удельный вес респондентов, понимающих сущность демократии в либеральном духе, т.е. указавших свободу и собственность самыми главными компонентами (принципами) демократии, составила 26,0 %, в том числе 23,9 % среди удмуртов, 26,8 % среди русских и 28,3 % среди других национальностей (см. табл. 7).

В республике, хотя и бесконфликтной, но с продвинутой степенью этнической мобилизации, поражает почти полное непонимание того, что «учет интересов национальных меньшинств», о чем заявили всего лишь 1,7 % опрошенных, в том числе 2,3 % удмуртов и 1,6 % русских, составляющей не менее важную составляющую демократии, чем такие либеральные ценности, как свобода и собственность и антилиберальные «власть народа» и «законность и правопорядок». Незрелость представлений о сущности демократии проявляются и в том, что около 15 % взрослого населения вообще затруднились дать ответ на соответствующий вопрос анкеты (см. табл. 7).

Межэтнические различия в понимании содержания демократии и ее главных ценностей так же подтверждают незрелость политических представлений граждан Удмуртии в начале второго постсоветского десятилетия. С одной стороны, это видно из того, что свободу личности, как главное в демократии, представители национальных меньшинств указали в 1,3 раза чаще, чем удмурты, с другой, напротив, удмурты в 2,2 раза чаще назвали собственность главной составляющей демократии. Трактовка демократии как власти народа, уподобляется традиционному для советского времени определению сути демократии. Если соглашаться с таким подходом, получается что в представлениях других национальностей удельный вес лиц, отдавших свое предпочтение советскому, а не либеральному толкованию демократии был в 1,8 раза больше, чем среди удмуртов (см. табл. 7).

Иными словами, если удмурты с запозданием по сравнению с русскими осознавали свободу в качестве одного из главных достоинств демократии, и, следовательно, отставали в обретении взглядов либерального толка, то в то же время они значительно опережали русских и, особенно других национальностей, в освобождении от традиционных в прошлом, но популярных в нынешнем времени представлений о власти народа, как главном в демократии (см. табл. 7).

Таблица № 7
Иерархия главных ценностей демократии (в % по итогам опроса)

Что самое главное в демократии?	*Национальность*				
	Опрос 1995 г. по общероссийской выборке	*все 2002*	*в том числе:*		
			удмурты	*русские*	*другие*
1. Законность, правопорядок	41.5	44.0	45.1	44.3	38.4
2. Свобода личности	15.5	22.5	19.5	23.6	26.3
3. Власть народа	14.8	13.6	11.9	13.2	21.2
4. Частная собственность	4.1	3.5	4.4	3.2	2.0
5. Учет интересов национальных меньшинств	2.4	1.7	2.3	1.6	–
6. Затруднились ответить	21.6	14.9	16.9	14.1	12.1

Анализ политических представлений широких масс населения дал основания для вывода о том, что среди различных слоев нет единства в понимании сути демократии, ее базовых ценностей и соотнесения этих ценностей с принципами государственного обустройства и задачами нациестроительства. Как и среди некоторых представителей нынешней политической элиты народное большинство слабо себе представляет состыковку трех взаимосвязанных элементов государственности: формы государственного устройства, формы правления и формы политического режима. Судя по этнополитическим представлениям, выявленным в ходе неоднократных опросов, многие россияне, далекие от политики и политической деятельности, с трудом ориентируются в запутанной классификации форм государственного устройства (унитарные, федеративные, конфедеративные), разновидностей государственного управления (монархическое и республиканское) и форм политического режима (демократическая и антидемократическая)[19].

Приобщение к политике

Интерес к политике, хотя и проявляется в широких масштабах, но имеет преимущественно пассивный характер. Две приблизительно равные категории взрослого населения Удмуртии весной 2001 г. «часто» (39,3 %) или «иногда» (35,0 %) слушали новости по радио и телевидению. Иными словами, интерес к политике почти каждого третьего из четверых граждан Удмуртии сводится к тому, чтобы послушать постоянно включенное радио (особенно в селах) или посмотреть политическую информацию по телевидению.

Немногим более, чем каждый десятый, в том числе 9,0 % удмуртов и по 13,1 % русских и других национальностей регулярно обсуждают политические проблемы с друзьями, родственниками или с коллегами по работе. Условно говоря, это не пассивные, а активные потребители политической информации. Совсем не интересуются политикой 8,4 % взрослого населения. При этом не обнаружено существенных различий между удмуртами и представителями других национальностей (см. табл. 8).

Падающий интерес людей к политике, особенно к активной политической деятельности, выявленные опросом в Удмуртии, имеет аналоги и в других регионах России. По итогам нашего опроса удалось выявить, что в Удмуртии всего лишь 2,9 % удмуртов, 3,9 % русских и 2,0 % других национальностей хотели бы принять участие в политической деятельности или же уже занимаются ей. Речь идет об единичных случаях, к тому же не вполне статистически значимых (см. табл. 8).

Таблица № 8
Отношение к политике и к политической деятельности
(в % по итогам опроса)

В какой мере интересуются политикой?	*Национальности*			
	все	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*
1. Часть слушают новости по радио или по телевидению, читают газеты	39.3	40.7	37.7	43.4
2. Иногда слушают новости по радио или по телевидению	35.0	36.0	35.3	30.3
3. Регулярно обсуждают политические проблемы с другими, коллегами	11.7	9.0	13.1	13.1
4. Совсем не интересуются	8.4	9.3	7.9	8.1
5. Хотели бы принять участие в политической деятельности	2.6	2.0	3.2	1.0
6. Принимают участие	0.8	0.9	0.7	1.0
7. Затруднились ответить	2.2	2.0	2.1	3.0

Электоральное поведение

Важным критерием политической пассивности граждан является выявленный в ходе опроса разрыв между активным электоральным поведением (участие в выборах) граждан и относительным безразличием к тому, за кого именно отдают свои голоса. Так, например, в ходе избирательной кампании в 1999 г. в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации приняли участие в голосовании 67,2 %. Но через три года могли вспомнить фамилию одного кандидата, баллотировавшегося в Государственную думу по своему одномандатному округу, 20,4 % и нескольких кандидатов – 29,8 % опрошенных (см. табл. 9).

При этом удмуртская часть электората несколько активнее, чем русские и другие, участвовала в выборах, и среди удмуртов оказался более высоким удельный вес лиц (35,2 %), запомнивших несколько кандидатов, баллотировавшихся в Государственную думу по одномандатному избирательному округу, чем среди русских (см. табл. 9).

Таблица № 9
Участие в избирательной компании 1999 г.

Степени политической активности	*Национальности*			
	все	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*
А. Голосованием в ходе избирательной компании 1999 г. в Государственную думу РФ				
Да	67.2	69.2	66.2	65.7
Нет	23.9	22.1	24.3	27.3
Б. Помнят фамилии кандидатов, баллотировавшихся в Госдуму по своему одномандатному округу				
Да, несколько	29.8	35.2	25.7	34.3
Да, одного	20.4	16.6	23.6	15.2
Не помнят	49.8	48.3	50.6	50.5

За кого или за что голосуют?

Анализ политической культуры населения на данный момент истории немыслим без изучения различных форм массового политического поведения вообще и без характеристики электорального поведения, в частности. Активный или пассивный интерес к политике выражает когнитивный аспект политической идентичности граждан, в то время как поведение перед избирательной урной характеризует его политическое поведение. Связующим звеном между когнитивным и поведенческими аспектами является решение такой социально-политической проблемы как выбор кандидатуры человека, баллотирующегося в депутаты или иную другую выборную должность. Участие или не участие в выборах рассматривается в демократических обществах как фундаментальное право и одновременно как гражданский долг каждого человека. Не случайно, авторы коллективной монографии, посвященной кросскультурному анализу политических культур и динамике социальных изменений, подчеркивают, что «участие или не участие в выборах связано соответственно с наличием или отсутствием у избирателя чувства гражданской ответственности, обязывающего принимать участие в делах общества»[20]. В советские времена участие граждан в выборах не имело сколько-нибудь значимого влияния на политику, т.к. исход выборов в условиях однопартийной системы был заранее предрешен. Предполагается, что сегодня, участвуя в выборах, индивид действительно может оказать влияние на политику и на принятие решений. Широкое распространение таких чувств, ожиданий и убеждений принято считать условием, способствующим стабильности демократии как системы. «Если демократия – это правление народа, – отмечали на Западе, – то тогда участие в политике – это центральное понятие для демократического государства»[21]. Понятно, изучение факторов и условий, формирующих политические симпатии избирателей, имеют не только научный, но и практический интерес. С этой целью в программу исследовательского проекта был включен вопрос о том, чем руководствовались те, кто голосовал во время последних перед социологическим опросом выборах. Иными словами, была поставлена задача по выявлению того, за кого или за что голосовали избиратели Удмуртии, отдавая свои голоса тому или иному кандидату.

Опрос позволил установить, что избирательский выбор определялся двумя равнозначными критериями: предлагаемой кандидатом программой и его вниманием или точнее его умением распознавать нужды того народа, к которому принадлежал сам избиратель. Каждым из этих двух критериев руководствовалась пятая часть избирателей Удмуртии в ходе голосования в 1999 г. в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации по одномандатному избирательному округу. На третьей позиции почти – с двухкратным отрывом от первых двух в иерархии критериев оказались личные качества кандидата. Менее всего избиратели обращали внимание на партийную принадлежность (3,6 %) и национальность кандидата (1,5 %). Разрыв между политической и национальной идентичностью кандидата в депутаты, с одной стороны, и разработанной им программой – с другой стороны, исчислялся шести и четырнадцатикратным значением (см. табл. 10).

Заметные различия были обнаружены в выборах того или иного критерия в зависимости от национальной принадлежности избирателей. Русские (21,9 %) и представители других национальностей (24,2 %) самое серьезное внимание уделяли предло-

женной кандидатом программе. Предпочтение избирателей удмуртской национальности в отличие от русских и национальных меньшинств отдавались чаще всего кандидату за проявленное им внимание к нуждам удмуртского народа. Удельный вес голосов, отданных критерию «нужды моего народа», составил среди удмуртов 26,2 %, что на 8,7 % было больше, чем среди русских избирателей (см. табл. 10).

Таблица № 10
Критерии выбора кандидата при голосовании (в % по итогам опроса)

Чем был определен выбор кандидата при голосовании	*Национальности*			
	все	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*
1. Предложенной им программой	20.8	18.0	21.9	24.2
2. Его внимание к нуждам моего народа	20.6	26.2	17.5	19.2
3. Личными качествами	12.2	11.0	13.2	10.1
4. Партийной принадлежностью кандидата	3.6	4.1	3.4	3.0
5. Национальной принадлежность кандидата	1.5	2.3	0.9	2.0
6. Не голосовал	24.7	23.5	25.4	24.2
7. Затруднились ответить	16.7	14.8	17.8	17.2

Анализ итогов проведенного весной 2002 г. социологического опроса с данными опросов в других регионах России позволяет сделать вывод, что внутриреспубликанская консолидация избирателей в Удмуртии находится на относительно высоком уровне и свидетельствует о стабильности этнополитической ситуации. Для сравнения укажем, что опрос, проведенный ЦИМО ИЭА РАН в 1996 г. в четырех городах Российской Федерации, выявил гораздо большую поляризацию политических предпочтений и факторов, определяющих выбор того или иного кандидата. В трех городах – Уфе, Краснодаре и Майкопе, так же как и в Удмуртии, выбор кандидата предопределялся предложенной им программой и этот критерий был лидером среди остальных. В Омске не программа, а личные качества кандидата чаще всего склоняли чашу весов в его пользу (см. табл. 11).

Еще одно принципиальное отличие удмуртской модели предпочтений состояло в том, что вторым по значимости критерием выбирался «интерес депутата к нуждам «моего народа», в то время как в Уфе, Краснодаре и Майкопе, этот критерий занимал вторую, и в Омске первую позиции. В названных городах несколько выше, чем в Удмуртии, был рейтинг партийной принадлежности кандидата и столько же низким, как в Удмуртии, его национальная принадлежность (см. табл. 11).

Таблица № 11
Критерии выбора кандидата при голосовании (в % по итогам опроса – 1996 n-802)

Если голосовали в декабре 1995 г. за одного из кандидатов по одномандатному избирательному округу, то чем был определен выбор?	*Город*				
	все	*в том числе:*			
		Уфа	*Омск*	*Краснодар*	*Майкоп*
1. Предложенной им программой	32.2	30.9	35.9	24.1	40.0
2. Его личными качествами	28.9	27.1	38.2	18.5	26.7
3. Его вниманием к нуждам региона	14.5	13.4	18.1	10.5	14.4
4. Его партийной принадлежностью	9.9	8.9	8.9	13.0	10.0
5. Его положение в обществе	5.2	3.1	8.1	4.3	5.6
6. Его национальностью	2.2	4.5	0.8	–	3.3
7. Затруднились ответить	11.8	10.0	11.2	16.7	11.1

Динамические процессы изменений в менталитете людей ряда западных стран вызвали в жизни две объяснительные гипотезы происходящих культурных сдвигов. Приоритет создания теории культурного сдвига принадлежит Рональду Инглехарту, который стал одним из наиболее часто цитируемых авторов в отечественной политологии и социологии последнего десятилетия XX в. В рамках этой теории речь идет о двух типах ориентаций, проявляющихся в контрастных, противоположных друг другу системах приоритетов, оцениваемых респондентами как наиболее важные, первоочередные. Носителями первой системы ценностей являются люди, номинированные как «материалисты». Они думают о том, как обеспечить экономическое процветание своей страны, безопасность своей семье и государства, как сохранить и повысить уровень своего материального благосостояния. Свои важнейшие задачи эти люди видят в том, чтобы обеспечить физическое существование человека, поддержание высокого темпа экономического роста, могучих вооруженных сил, мощной обороноспособности и т.п.

К другой категории людей, получивших ярлык «постматериалисты», относятся люди, которые считают, что в первую очередь, следует думать о том, как обеспечить условия для творческого самовыражения и самоопределения человека как личности. Как сделать так, – якобы думают «постматериалисты», чтобы индивид не чувствовал себя отверженным и как одновременно сохранить и свободу слова, и защитить окружающую среду. Иными словами, «постматериалисты» высоко ценят качество жизни, тогда как материалисты предпочитают иметь высокий уровень жизни. Как подчеркивает Р. Инглехарт, а вслед за ним и авторы коллективной монографии в политических культурах и социальных изменениях, термин «постматериалист» отражает некую совокупность ценностей и целей, акцентируемых после того, как люди достигли материальной безопасности, и еще потому, что они ее достигли[22].

Для измерения демократических и консервативных ценностей в менталитете постсоветских граждан в программу исследования «Электрокардиограмма социальных трансформаций» был включен вопрос о том, от кого сегодня зависит улучшение жизни. Несмотря на простоту вопроса, на него были возложены важные задачи выяснить баланс остаточной инфантильности и вновь обретенной деинфантилизации граждан. Опрос весной 2002 г. показал, что 59,5 % жителей Удмуртии были уверены в том, что улучшение жизни зависит только от самого человека (см. табл. 12).

Это можно считать одним из важнейших итогов нашего исследования. И, к сожалению, ему нет сколько-нибудь удовлетворительного толкования и объяснения. Между тем, занимая верхнюю строчку в списке адептов улучшения из 9 наименований, расположенных в порядке убывания, доли лиц, отдавших им свои голоса, он указывает на сильный сдвиг, который произошел в сознании граждан в смутное время переходного от социализма к капитализму периода. Два других адепта – Президент и Правительство России заняли в иерархическом списке соответственно второе (38,2 %) и третье (36,4 %) места.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что двумя конкурирующими мнениями в политических представлениях граждан – «я сам» и «государственные органы» или высшие руководители государства, на первый план вышла тенденция деинфантили-

зации. Вместо былого упования на государство и всесторонне организованную им систему социального гарантирования и обеспечения, неизбежно порождающего в советских людях чувство державнического иждивенчества, сегодня на передний план вышел сам человек и четкое понимание того, что улучшение жизни зависит от него самого. Вряд ли, можно считать сколько-нибудь существенными различия между удмуртами и русскими, если среди первых удельный вес надеющихся на самих себя, составил 62,5 %, а среди вторых – 57,3 %. Тем не менее, принимая во внимание данные о том, что среди русских, а особенно среди других национальностей, доля лиц, считающих, что улучшение жизни зависит от Президента (38,8 % и 43,4 %) или от Правительства России (39,2 % и 35,4 %), несколько превышает группы удмуртов с такой же точкой зрения (35,2 % и 32,3 %), можно сделать предварительный и весьма осторожный вывод о том, что удмуртам несколько труднее, чем русским и национальным меньшинствам, дается адаптация к экономическим реформам, и, следовательно, в согласии с полученными данными по вопросу об улучшении жизни, они чуть-чуть обгоняют другие национальности, в том числе русских, по части освобождения от обретенного в годы советской власти чувства иждивенчества (см. табл.12).

Вторая отличительная черта, формирующая современный культурный сдвиг и одновременно линии межэтнических различий, состоит в том, что удмурты несколько больше и чаще, чем русские и другие национальности, возлагают свои надежды на улучшение жизни не на федеральные, а на местные (республиканские) власти, в том числе на органы местного самоуправления, на начальство по месту работы, на Правительство Удмуртской Республики и лично на Президента УР А.А. Волкова. Вместе с другими национальностями и приблизительно в тех же самых, хотя и ничтожных масштабах, они ждут действий по улучшению жизни от законодательных органов власти, в том числе от государственного Совета Удмуртской Республики и Федерального Собрания Российской Федерации (см. табл. 12).

Таблица № 12
От кого зависит улучшение жизни (в % по итогам опроса)

От кого в первую очередь зависит сейчас улучшение жизни	*Национальности*			
	все	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*
1. От самих себя	59.5	62.5	57.3	61.6
2. Президента России	38.2	35.2	38.8	43.4
3. Правительства России	36.4	32.3	39.2	35.4
4. От местных властей	32.5	34.3	31.6	31.3
5. От начальства на месте работы	21.6	24.1	20.1	21.2
6. От правительства Удмуртской Республики	20.4	20.3	21.7	13.1
7. От Президента Удмуртской Республики	19.5	21.8	18.5	17.2
8. От государственного Совета Удмуртской Республики	6.0	5.5	5.6	10.1
9. От Федерального Собрания РФ	4.6	2.9	5.3	6.1
10. Затруднились ответить	4.3	3.8	4.6	4.0

Итак, чем объяснить естественно возникающие два вопроса: во-первых, почему удмурты несколько опережают (и опережают ли) остальные национальности по темпам де-

инфантилизации, и, во-вторых, почему они больше, чем остальные надеются на местные, а не федеральные органы, от которых зависит улучшение жизни.

Для объяснения той части модернизационных процессов, в ходе которых формировались по теории Р. Ингельхарта две категории людей – материалистов и постматериалистов, были, как известно, выдвинуты две гипотезы. Согласно одной из них, названной «гипотезой ценностной значимости недостающего», приоритеты в структуре ценностей личности отражают социо-экономическую сферу жизнедеятельности индивида. «Люди склонны считать, – указывал автор теории культурного сдвига («Тихой революции»), – что им в первую очередь, нужно именно то, что не хватает на всех»[23].

В первые годы после второй мировой войны во многих странах Запада люди более всего были озабочены выживанием, поиском средств для удовлетворения своих базисных, первичных потребностей и нужд. В наступившие позднее благополучные времена, когда был ликвидирован дефицит продуктов питания и промышленных товаров, и большинство населения перестало испытывать нужду и заботу о выживании, в системе жизненных и культурных ценностей произошли важные сдвиги. Люди чаще стали уделять внимание духовной стороне жизни, идеалам, морали и нравственности. На место первичных (материальных) пришли вторичные (духовные) потребности.

Согласно второй гипотезе, названной «гипотезой социализационного лага», в базисных ценностях человека, в первую очередь, отражаются итоги по воспитанию в семье и в период ранней социализации. «Люди стремятся пронести сквозь всю взрослую жизнь то множество ценностных приоритетов, – заостряет свою мысль Р. Ингельхарт, – которое сложилось у каждого еще в годы формирования личности»[24].

Конечная цель гипотезы социализации состоит в том, чтобы объяснить, почему наблюдается временной лаг (шаг) между преобладающими в обществе ценностными ориентациями и социально-экономическими достижениями страны. Изменения в иерархии приоритетов происходят с некотором запаздыванием во времени по отношению к прогрессивным, положительным переменам в социально-экономической сфере.

Обе эти гипотезы вполне подтверждаются и динамикой ценностных ориентаций жителей Удмуртии, основная задача которых в смутное переходное время выражается в потребности выживания. Этим, видимо, объясняется и более высокое доверие к местному и республиканскому руководству среди удмуртов, чем к федеральным органам власти.

Доверие и доверительность

Любая политическая система зависит от поддержки общества. Уровень доверия, который граждане демонстрируют своему Президенту, высшим органам законодательной или исполнительной власти, является жизненно важным показателем для определения степени устойчивости данного общества или государства на данный период времени.

Социологические опросы, проведенные в Удмуртии, как и в других регионах России, показывают неслыханно высокий и устойчивый уровень доверия российских граждан Президенту России В.В. Путину.

Высокий рейтинг В.В. Путина частично объясняется антирейтингом его предшественника на посту Президента Российской Федерации. Не Путин, а Ельцин нанес три

фатальных удара по историческому и социо-культурному развитию народов России: 1) упразднил в конце 1991 г. великую сверхдержаву как единственную Родину большинства народов России; 2) навязал народам страны 1992 г. «шоковую терапию», явившуюся по сути грабежом кровных сбережений граждан; 3) в октябре 1993 г. сверг с помощью армии законно избранный парламент, а вместе с парламентом и веру граждан в демократию и парламентаризм; 4) и, наконец, не Путин, а команда Ельцина вместе с его советниками по национальному вопросу развязала в 1994 г. гражданскую войну, объявив чеченских сепаратистов врагами России.

Так, например, по данным опроса в Удмуртии, уровень доверия Президенту В.В. Путину (83,3 %) был в три раза выше, чем доверие к депутатам Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатам Государственного Совета Удмуртской Республики, в том числе среди удмуртской части населения в 3,2 раза, русской и остальных национальных меньшинств – в 3,4 раза. Низкое политическое доверие депутатам федерального и республиканского уровня демонстрирует еще один феномен Удмуртии, когда люди, как отмечалось выше, возлагают свои надежды на улучшение жизни на республиканские структуры больше, чем на федеральные, но в доверии депутатам Госдумы и Госсовета отказывают.

Особый интерес в настоящее время представляет анализ данных опроса о распределении жителей Удмуртии, симпатизирующих различным политическим партиям. Судя по наивысшему индексу доверия (0,53), самой популярной в мнениях граждан республики была пропутинская партия «Единая Россия». Две другие партии, символизирующие либеральные и антилиберальные ориентации в общественно-политическом развитии России, собрали приблизительно одинаковый уровень голосов. Хотя индексы доверия к КПРФ (0,30) оказался меньше, чем индекс доверия СПС (0,44) (см. табл. 13–14).

Среди удмуртской части населения самые высокие индексы доверия были адресованы «Народной партии» (0,54) и КПРФ (0,36), среди русской – «Единой России» (0,60) (см. табл. 14).

Таблица № 13
Мнения о доверии органам власти и политическим партиям (в % по итогам опроса)

В какой мере доверяют	*Доверяют*				*Не доверяют*			
	национальности				*национальности*			
	все	*в том числе:*			*все*	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*		*удмурты*	*русские*	*другие*
(А). Депутатам								
Депутатам Государственной думы	26.7	25.9	27.4	24.2	55.2	54.9	54.6	58.6
Депутатам Государственного Совета Удмуртии	27.1	29.3	26.5	22.2	53.3	48.2	55.2	60.6
(Б). Политическим партиям								
КПРФ	17.1	18.7	16.1	18.2	56.5	52.3	59.3	55.5
Единая Россия	22.1	19.8	24.2	18.1	41.9	42.4	40.5	48.5
Народная партия	18.7	21.0	16.7	22.2	41.5	39.0	42.2	47.5
СПС	19.1	16.6	20.7	19.2	43.3	42.5	42.8	48.5

Таблица № 14

Индексы доверия партиям (индексы разработаны по итогам опроса 2002 г.)*

Национальности	*Индексы доверия к партиям*			
	КПРФ	*Единая партия*	*Народная партия*	*СПС*
Удмурты	0.36	0.47	0.54	0.42
Русские	0.27	0.60	0.40	0.40
другие	0.33	0.37	0.47	0.40

*- Индекс доверия представляет собой дробь, в числителе которой – доля лиц «Безусловно» и «скорее доверяющих», а в знаменателе доля лиц, «совсем» и «безусловно не доверяющих».

Как и следовало ожидать, наиболее высокий уровень доверия люди адресуют представителям своей национальности. Согласно данным социологического опроса удмурты – удмуртам (77,9 %), русские – русским (72,5 %). При этом можно предположить, что внутриэтническая консолидация среди удмуртов несколько выше, чем среди русских. Индекс внутриэтнического доверия среди первых равен 15,9, среди вторых – 9,4 (см. табл. 15–16).

Судя по индикаторам и индексам доверительности очаги межэтнической напряженности залегают не в удмуртско-русских взаимооценках и взаимодействиях, а в отношениях между удмуртами и национальными меньшинствами и, прежде всего, с татарами. Это красноречиво подтверждается соответствующими индексами доверия: индекс доверия других – удмуртам (1,6) – русским (6,2), в то время как русские и удмурты взаимно «обмениваются» относительно высокими индексами доверия: удмурты-русским (6,6), а русские-удмуртам (4,0) (см. табл. 16).

Кроме взаимного доверия между удмуртами и русскими было небезынтересно получить данные о доверии к другим национальностям, в том числе живущим далеко за пределами Удмуртии. В ходе опроса выяснилось, в частности, отношение к евреям, американцам и китайцам. Минимум доверия (индекс – 0,2) был обнаружен американцам, максимум (0,4) – к евреям. По сравнению с удмуртами и национальными меньшинствами русское население обнаружило более высокую степень доверия к представителям каждой из трех референных этнических групп, в том числе евреям доверяли 20,5 % русских, китайцам и американцам соответственно 14,5 % и 9,9 % (см. табл. 15).

Таблица № 15

Мнения о доверии народам и религиям (в % по итогам опроса)

В какой мере доверяют	*Доверяют национальности*				*Не доверяют национальности*			
	все	*в том числе:*			*все*	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*		*удмурты*	*русские*	*другие*
(А). Народам								
Удмуртам	63.2	77.9	57.0	48.5	15.7	4.9	14.3	29.3
Русским	71.0	68.9	72.5	69.7	9.0	10.5	7.7	11.2
Евреям	17.9	14.3	20.5	15.2	46.5	48.9	43.4	55.6
Американцам	9.4	9.3	9.9	7.1	62.1	58.7	63.5	66.7
Китайцам	12.5	10.5	14.5	8.1	53.4	53.8	51.8	60.6
(Б). Религиям								
Православной	46.7	46.5	48.2	39.4	24.4	21.5	24.7	32.4
Мусульманской	16.4	8.3	14.6	50.5	44.1	47.4	45.4	25.3

Небывало высокий уровень (62,1 %) недоверия жителей Удмуртии к американцам, конечно, адресованы не американскому народу и не лицам американской национальности, а главным образом – той политике, которую «консультировали» американские советники, инкорпорированные в команду Ельцина-Гайдара в начале первого постсоветского десятилетия. Одним из прямых результатов, откровенно антироссийской политики, названной Стивеном Коэном «крестовым походом», «стало усиление антиамериканских настроений до невиданных размеров. Во всяком случае, за сорок лет, – как признается Стивен Коэн, – которые я изучаю и посещаю советскую и постсоветскую Россию, я такого еще не видел»[25]. Этносоциологический опрос в Удмуртии осуществлялся весной 2002 г., когда у всех на виду и на слуху были вынесены неслыханно несправедливые решения в адрес российских спортсменов в Солт Лейк Сити. Эта кратко временная вспышка антиамериканизма имела в отличие от роли «советников» Ельцина, кратковременный, ситуативный характер. Тем не менее, ее влияние на результаты опроса нельзя отрицать.

Таким образом, отмеченная выше более высокая степень внутриэтнической консолидации удмуртов имеет обратную сторону медали, и заключается в том, что она сопряжена с некоторой изоляцией. Поистине наши недостатки являются продолжением наших достоинств.

В политической жизни важно не только то, какими событиями она наполнена, но и то, какое значение этим событиям или фактам придается, и то, как события и приданные им значения воспринимаются читателями, радиослушателями, телезрителями. В условиях неограниченной свободы прессы возникает новая проблема – степень доверия СМИ как общественному институту. Показатель доверия к прессе имеет прямую связь с тем, как народное большинство относится к демократии и к осуществляемым сверху социальным транс-формациям. Весной 2002 г. 54,0–54,3 % взрослого населения Удмуртии доверяло российскому, республиканскому и местно-му телевидению (см. табл. 17).

Таблица № 16
Индексы доверия национальностям и религиям
(индексы рассчитаны на основе данных по итогам опроса)*

Национальности Удмуртии	*Национальности*				
	удмурты	*русские*	*евреи*	*американцы*	*китайцы*
Удмурты	15.9	6.6	0.29	0.16	0.20
Русские	4.0	9.4	0.47	0.16	0.28
другие	1.6	6.2	0.27	0.13	0.13
все вместе	4.0	7.9	0.40	0.20	0.23

* – индексы доверия представляют собой дробь, в знаменателе которой удельные веса лиц, «безусловно» и «скорее» доверяющих, а в знаменателе – «скорее» и «безусловно не доверяющих» названным народам.

Такая степень доверия в целом соответствует мировым стандартам. Так, например, по имеющимся данным, в 1980–1990 гг. примерно половина жителей США доверяли СМИ. Доверие прессе в США уменьшилось с 80 % в 1970-х гг. и до примерно 60,0 % в 1990-х, а доверие телевидению – с 73 до 56 %[26].

При абсолютно одинаковой степени доверия взрослого населения всем трем телевидениям (российскому, республиканскому и местному) обнаружилось, что удмурты все же больше, чем русские, доверяют местному (индексы – 4,0 и 2,0) и республиканскому (2,7 и 2,0) телевидению (см. табл. 18).

Таблица № 17
Мнения о доверии СМИ (в % по итогам опроса)

В какой мере доверяют телевидению	*Доверяют*				*Не доверяют*			
	национальности				*Национальности:*			
	все	*в том числе:*			*все*	*в том числе*		
		удмурты	*русские*	*другие*		*удмурты*	*русские*	*другие*
Российскому	54.0	55.5	52.9	54.6	28.2	26.2	29.5	28.3
Республиканскому	54.3	59.1	51.7	52.5	26.5	21.5	29.1	29.3
Местному	54.3	59.9	50.8	54.5	22.2	15.1	25.6	28.3

Таблица № 18
Индексы доверия к СМИ (индексы рассчитаны на основе данных по итогам опроса)

Национальности	*Телевидение*		
	российское	*республиканское*	*местное*
Удмурты	2.1	2.7	4.0
Русские	1.8	1.8	2.0
Другие	1.9	1.8	1.9
Все вместе	**1.9**	**2.0**	**2.4**

Узлы солидарности

Внешнеполитические интересы России теснейшим образом связаны с ее внутренними процессами, целями и задачами. Для укрепления политической стабильности, национальной безопасности, территориальной целостности России необходимо ясное и четкое понимание необходимости обеспечения благоприятных внешних условий, что достигается в нынешнем динамично меняющемся мире путем расширения круга союзников, нейтрализации колеблющихся и изоляции противников. После 11 сентября 2001 г. мир стал иным.

Доминантой инаковости нынешнего мира стало объединение усилий России и США в борьбе с международным терроризмом. В связи с этим перед гуманитарными науками, в том числе перед социологией, встают новые задачи по адекватному знанию, осмыслению представлений граждан России к аспектам внешнеполитической деятельности на международной арене бывших соперников, а ныне – союзников – США и России. Степень одобрения или неодобрения того, что делают американцы в Афганистане, в бывших республиках Средней Азии или в Грузии, имеет больше научное и практическое значение. В проекте программы «Электрокардиограмма социальных трансформаций» не ставилась задача онтологического изучения деятельности США в близлежащих странах. Задача была принципиально иной: определить степень внутриэтнической и межэтнической солидарности по тем или иным конкретным вопросам. В ходе опроса выяснилось, что 23 % жителей Удмуртии, в том числе 21,8 % удмуртов, 24,0 % русских и 22,3 % других национальностей «безусловно» или «скорее» одобряют военные действия США в Афганистане. Немногим менее, чем каждый пятый не смог определить свою позицию.

Значительное большинство населения – 58,7 % жителей республики, в том числе 57,0 % удмуртов, 59,4 % русских и 60,6 % других национальностей указали, что они «скорее» или «безоговорочно» не одобряют действия США в Афганистане. На основе

этих данных оказалось возможным определить индексы межэтнической солидарности на основе соотношения в недрах каждой национальности доли не одобряющих и одобряющих действий США в Афганистане. Среди удмуртов этот показатель оказался равным 2,6 %, среди русских и других – 2,5 % и 2,7 %. Отсутствие какого-либо размаха вариации (он равен всего лишь 0,2 %) дает основание для того, чтобы сделать вывод о распространении среди удмуртов и остальных национальностей республики одинаковых пропорций населения с позитивными и негативными установками на действия США в Афганистане. Эту одинаковость можно принять за проявление межэтнической солидарности.

Несколько иначе, чем в Афганистане и грузинской ситуации жители Удмуртии выразили свое отношений к ситуации в Узбекистане. На вопрос: «Беспокоит ли Вас наличие американских внешних баз в Узбекистане?» почти каждые двое из троих, в том числе 60,5 % удмуртов, 69,8 % русских и 74,8 % других национальностей дали положительный («полностью одобряю» или «скорее одобряю») ответ. Самый высокий удельный вес обеспокоенных выявился среди национальных меньшинств, самый низкий – среди удмуртов (см. табл. 20).

Индекс беспокойства среди удмуртов (3,1) оказался в 1,8 раза ниже, чем среди других национальностей (5,7). Из этого следует еще один вывод о межэтнической солидарности. Все национальности Удмуртии, будучи солидарными в своем отношении к афганской и грузинской ситуациям, обнаружили различающиеся отношения пребывания американских баз в Узбекистане. Иными словами, военные базы беспокоили больше, чем война в Афганистане и военные советники в Грузии, а степень солидарности в первом случае была выше, чем во втором.

Таблица № 19
Отношение к военным действиям США в Афганистане и военным советникам в Грузии (в % по итогам опроса)

Отношение	*Как относится к военным действиям США в Афганистане?*				*Как относятся к пребыванию американских военных советников в Грузии?*			
	Национальности				*Национальности*			
	все	*в том числе:*			*все*	*В том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*		*удмурты*	*русские*	*другие*
Полностью одобряют	5.9	7.0	5.3	6.1	1.9	1.7	1.9	2.0
Скорее одобряют	17.1	14.8	18.7	16.2	6.5	7.3	6.7	3.0
Скорее не одобряют	28.4	24.7	30.7	28.3	34.0	29.9	35.3	40.4
Полностью не одобряют	30.4	32.3	28.7	32.3	34.0	30.2	36.7	31.3
Затруднились ответить	18.2	21.2	16.6	17.2	23.7	30.8	19.4	23.2
Индексы межэтнической солидарности								
Одобряют	23.0	21.8	24.0	22.3	8.4	9.0	8.6	5.0
Не одобряют	58.7	57.0	59.4	60.6	68.0	60.1	72.0	71.7
Индексы солидарности	2.6	2.6	2.5	2.7	8.1	6.7	8.4	14.3

Таблица № 20
Отношение к американским военным базам в Узбекистане
(в % по итогам опроса)

Беспокоит ли наличие американских военных баз в Узбекистане	*Национальности*			
	все	*в том числе:*		
		удмурты	*русские*	*другие*
Очень беспокоит	33.2	28.2	35.4	37.4
Скорее беспокоит	34.0	32.3	34.4	37.4
Скорее не беспокоит	10.9	12.8	10.6	6.1
Совсем не беспокоит	6.7	7.0	6.5	7.1
Затруднились ответить	15.2	19.8	13.1	12.1
Индексы межэтнической солидарности				
Беспокоит	67.2	60.5	69.8	74.8
Не беспокоит	17.6	19.8	17.1	13.2
Индексы	3.8	3.1	4.1	5.7

Поляризация представлений

Сопоставительный анализ представлений различных групп населения – адаптантов, маргиналов и инфантилов – о политике, политиках и политической ситуации в Удмуртии может в той или иной мере прояснить влияние факторов стимулирования и блокирования процессов социальной трансформации.

Многочисленные социологически опросы, и наш в том числе, дают сходные результаты о том, что бывшие советские люди с трудом прощаются с бывшим Советским Союзом.

У старших поколений чувство ностальгии по Союзу дублируется и дополнительно подпитывается ностальгией по своей юности и молодости. Нет необходимости специально комментировать тот факт, что в ходе весеннего опроса 2002 г. среди инфантилов, удельный вес лиц, считающих распад Советского Союза абсолютно вредным, составил 44,1 %, что в 2,7 раза было больше, чем среди адаптантов (16,2). Напротив, среди адаптантов доля лиц, признавших распад Союза «полезным» или «скорее полезным, чем вредным», составил 40,4 %, что в свою очередь было в 2,2 раза больше, чем среди инфантилов (18,0 %) (см. табл. 21).

Относительно спокойное отношение адаптантов к распаду Союза в известной мере объясняется их возрастом. В рядах людей, уверенно или почти уверенно чувствующих себя в нынешней ситуации молодежи больше, чем пожилых. Часть молодежи пошла в 5-й класс уже в пору наибольшего разгула ельцинской и гайдаровской розовой демократии, когда отрицание социализма, СССР и оплевывание истории советского периода достигло апогея. Сегодня, пожалуй, даже можно удивляться тому, что более чем каждые двое из пятерых людей, считающих, что дела в России идут в правильном направлении, вместе с тем считают, что развал Союза был «скорее» или безоговорочно вредным (см. табл. 21).

И все же у нас есть основания для вывода, что первое постсоветское десятилетие стало временем интенсивных перемен в представлениях граждан Удмуртии, как о судьбе Советского Союза, так и о будущем России. Именно за этот короткий исторический срок для значительной части населения Россия стала восприниматься как Родина сильнее, чем бывший Советский Союз. Лидировали в этом – адаптанты, аутсайдерами были инфантилы. Среди первых удельный вес лиц, считающих своей Родиной СССР, составлял весной 2002 г. 11,1 %, что было в 2,6 раза меньше, чем среди вторых (28,6 %) (см. табл. 21).

Характерно, что уже в начале второго постсоветского десятилетия более чем каждый второй (53,0 %) адаптант считал своей

Родиной Россию против 32,9 % инфантилов (см. табл. 21).

Одним из важнейших показателей демократизации общества, видимо, можно считать степень осмысленного понимания гражданами сути эффективной демократии, как способности государственных органов решать актуальные вопросы экономики, культуры и других сфер жизни, оставаясь при этом демократическими. И если народное большинство, как показывают социологические опросы, еще не осознают, что одним из краеугольных камней демократии является, во-первых, свободно избираемые и подконтрольные обществу органы власти, а, во-вторых, первичность законодательной и вторичность исполнительной власти, в-третьих, возможность для мобильных и мобилизационных контингентов населения принимать участие в выборах и тем самым влиять на направление дел в России, то это означает, что уровень политического сознания отстает от реформ.

Таблица № 21
Отношение к распаду Советского Союза и новое чувство Родины
(в % по итогам опроса)

		Адаптанты	*Маргиналы*	*Инфантилы*
1. Как расценивают распад Советского Союза	Он был полезен	18.2	10.1	11.2
	Он был скорее полезен, чем вреден	22.2	19.4	6.8
	Он был скорее вреден, чем полезен	26.3	29.7	19.9
	Он был вреден	16.2	23.4	44.1
	Затрудняются ответить	17.2	17.4	18.0
2. Что является Родиной	Моя родина – СССР	11.1	13.4	28.6
	Россия	53.0	40.1	32.9
	Удмуртия	20.2	26.4	19.3
	Город, в котором живут	12.6	17.6	16.1
	Затрудняюсь ответить	3.0	2.5	3.1

Как уже подчеркивалось выше, важнейшими показателями сильной демократии является свобода и частная собственность. И данные опроса убеждают, что либеральные ценности усваиваются в группах адаптантов шире, чем в группах инфантилов. Удельный вес лиц, считающих свободу самым главным в демократии, составил среди первых 31,3 %, в то время как среди вторых в 1,9 раз меньше, частную собственность – соответственно – в 2,6 раза. Разница в представлениях о демократии у двух рассматриваемых полярных групп отражается в иерархии их представлений о самом главном в демократии. Законность и правопорядок для каждой группы в этой иерархии занял первое место. Так эти критерии признали 33,8 % адаптантов и 49,1 % инфантилов. Обращает внимание на себя соотношение между ценностями демократии, занявшими первое и второе места. У адаптантов этой разницы по сути не обнаружено (33,8 и 31,3 %). Это означает, что пройдет еще немного времени, не более десятилетия, и среди адаптантов свобода, как главное в демократии, выйдет на первое место. У инфантилов разрыв между «законностью и правопорядком» в одной и со «свободой», занимающей не второе, а третье место, составляет внушительную величину – 33,0 %, т.е. для них порядок, каким бы ни был демократическим или любым другим, в три раза важнее свободы (см. табл. 22).

Таблица № 22
Что считают самым главным в демократии (в % по итогам опроса)

	Адаптанты	*Маргиналы*	*Инфантилы*
1. Законность, порядок	33.8	48.6	49.1
2. Свобода личности	31.3	23.8	16.1
3. Власть народа	17.2	13.2	18.0
4. Частная собственность	8.2	2.5	3.1
5. Учет интересов национальных меньшинств	2.5	1.4	3.7
6. Затруднились ответить	10.1	10.5	9.9

Весенний опрос 2002 г. в Удмуртии так же не подтвердил распространяемые СМИ слухи о чрезмерной политизации приспособленцев к условиям рыночной экономики. Более того, мы имеем возможность подтвердить, что успешная адаптация к капиталистическим порядкам и позитивная в целом оценка направления дел в России не обязательно теснейшим образом связана с постоянным интересом к политике или готовности принять участие в политической деятельности. Да, действительно, среди адаптантов удельный вес тех, кто часто слушает новости по радио, телевидению и постоянно читает газеты, составляет 42,4 %, что на 8,9 больше, чем среди инфантилов (33,5 %). Но с другой стороны именно среди последней группы людей, негативно оценивающих общее направление дел в России, вопреки ожиданию, удельный вес лиц, регулярно обсуждающих политические проблемы с друзьями и коллегами по работе, несколько выше (17,4 % против 13,1 %), чем среди адаптантов (см. табл. 23).

Таблица № 23
Интерес к политике и участие в политической деятельности
(в % по итогам опроса)

		Адаптанты	*Маргиналы*	*Инфантилы*
5. В какой мере интересуются политикой	1. Часто слушают новости по радио, телевидению, читают газеты	42.4	43.6	33.5
	2. Иногда слушают новости по радио и телевидению	30.3	37.2	29.2
	3. Регулярно обсуждают политические проблемы с друзьями и коллегами по работе	13.1	11.0	17.4
	4. Совсем не интересуются	8.6	4.1	13.7
	5. Хотели бы принимать участие в политической деятельности	3.0	2.7	3.1
	6. Принимают участие в политической деятельности	1.5	0.6	1.2
	7. Затрудняюсь ответить	1.0	0.8	1.9
9. Помнят ли фамилии депутатов, баллотировавшихся в Государственную думу в своем одномандатном округе	1. Да, нескольких	34.3	31.2	27.3
	2. Да, одного	19.2	24.0	18.6
	3. Нет, не помнят	46.5	44.8	54.0

Таблица № 24
Критерии выбора кандидата при голосовании в Госдуму
(в % по итогам опроса)

Чем был определен выбор кандидата при голосовании в Госдуму в 1999 г.	*Адаптанты*	*Маргиналы*	*Инфантилы*
1. Не голосовали	27.8	23.6	24.8
2. Его внимание к проблемам моего народа	20.7	21.1	23.0
3. Предложенной им программой	19.2	23.4	19.3
4. Личными качествами кандидата	15.7	12.0	9.9
5. Партийной принадлежностью	6.1	2.3	6.2
6. Национальной принадлежностью	2.5	1.0	3.1
7. Затруднились ответить	8.1	16.5	13.7

Общая активность адаптантов частично проявляется в том, что они несколько внимательнее инфантилов, принимают участие в избирательной кампании и несколько чаще запоминают фамилии кандидатов, за которых отдали свои голоса по одномандатному округу. Другая сторона медали состоит в том, что инфантилы, в отличие от адаптантов, гораздо чаще (54,0 % против 46,5 %) после 2–3 лет вообще не помнят ни одной фамилии из тех, кто баллотировался в депутаты по их одномандатному округу (см. табл. 23).

Еще двумя немаловажными показателями политической индифферентности адаптантов могут служить соотношения удельных весов тех, кто вообще не голосовал среди активной и пассивной части населения. По данным нашего опроса удельный вес не голосовавших осенью 1999 г. среди адаптантов составлял 27,8 %, в то время как среди инфантилов – 24,8 % (см. табл. 24).

Из шести предложенных критериев выбора кандидата при голосовании лишь только личные качества кандидата привлекали адаптантов (15,7 %) сильнее, чем инфантилов (9,9 %) (см. табл. 24).

Включенный в программу нашего исследования вопрос о том, от кого в первую очередь зависит улучшение жизни нынешних россиян, позволил собрать ценную информацию о социальной поляризации населения, в том числе о распределении граждан на позитивно и негативно оценивающих направление дел в России. Свои притязания люди обычно соотносят со средствами их достижения, формируя тем самым личные стратегии и тактики[27].

Анализ полученных результатов свидетельствует о происходящих в 1990-е гг. смене парадигмы притязаний. Люди, увы, вынужденно как под «Дамокловым мечом», изживали из себя надежды на государство и обогащались пониманием того, что улучшение своей жизни зависит только от себя. В этом особенно преуспели те, кого мы назвали адаптантами. В их рядах удельный вес лиц, полагавшихся главным образом на самих себя, составил 63,1 % против 50,9 % среди инфантилов (см. табл. 25).

От Правительства России ждали мер по улучшению социального самочувствия людей 41,6 % инфантилов и 31,3 % адаптантов. Наряду в этим первые больше уповали на местные власти, на непосредственное начальство по месту работы, в то время как вторые – на президентов России и Удмуртии, на Правительство Удмуртской Республики и, наконец, в незначительной степени – на Государственный Совет Удмуртской Республики и на Федеральное Собрание Российской Федерации (см. табл. 25). Аутсайдерские ранги органов представительной власти как свидетельство их беспомощности и низкого рейтинга по сравнению, например, с рейтингами Президентов В.В. Путина и А.А. Волкова, являются подтверждением как

незрелости демократических представлений граждан, так и адекватным отражением той слабой роли, которую играют органы законодательной власти в процессах социальных трансформаций в России. Смена притязаний в ориентирах на улучшение социального самочувствия граждан, смещение акцента с надежд на государство на самого себя свидетельствует о важной психологической перестройке.

Низкий рейтинг законодательных органов власти имеет, увы, свои исторические корни. Народ уважает силу. О каком уважении к законотворцам может идти речь после того, как танки Ельцина в октябре 1993 г. расстреляли только что народившийся парламент России?

Двумя неделями раньше до расстрела Белого Дома 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин издал указ 1400 о роспуске парламента. Согласно этому документу были прекращены должностные полномочия вице-президента, Суда и Генерального прокурора, введена цензура на телепередачи, в Москву подтянуты войска безопасности[28].

Это был, по словам Стивена Коэна, тот самый парламент, который был избран в результате первых свободных выборов в 1990 г., который бросил вызов М.С. Горбачеву и КПСС, сделал Б.Н. Ельцина своим председателем в июне 1991 г. – всенародно избранным Президентом России, предоставил Ельцину убежище в своем Белом Доме во время путча в августе 1991 г., ратифицировал незаконно подписанный Ельциным документ о роспуске СССР и, наконец, который позволил ему в течение года управлять страной с помощью президентских указов[29].

Психологическая травма, нанесенная в начале 1990-х гг. исторически важному, политически перспективному опыту молодой демократии, и сегодня, в начале второго постсоветского десятилетия отзывается двумя тенденциями в формировании представлений граждан России – непониманием демократии и того, что самое главное в ее сути, а так же недоверием к органам законодательной власти. Обе эти тенденции, подтвержденные нашим социологическим опросом, указывают еще на одну тенденцию, появление в политическом истеблишменте нашей ностальгии по сильной руке, а в общественном мнении – по установлению порядка по моделям сталинских времен.

Более того, в литературе уже подчеркивалось, что форсированно растущие притязания чреваты риском разочарований и угрозами неудовлетворенности. Слишком много обещаний было выдано народам России сначала в годы горбачевской игривой перестройки, а затем в розово окрашенные для одних и в глухие для других ельцинские времена. Чтобы проверить реальность целого ряда рассмотренных выше позитивных социально-личностных характеристик адаптантов по сравнению с инфантилами, сравним их представления о будущем. Среди тех, кто сумел найти себе место в новой жизни и позитивно оценить направление дел в России, каждые четверо из пятерых «с надеждой и оптимизмом» или же «спокойно, без особых надежд и иллюзий» смотрели в будущее. Назовем их оптимистами и отметим, что их доля в составе адаптантов была в 1,8 раза больше, чем в составе инфантилов. И, наоборот, среди вторых пессимистические взгляды на будущее, взгляд в завтрашний день «со страхом и отчаянием» или же «с тревогой и неуверенностью» (41,0 %) был в 2,7 раза больше, чем среди первых (см. табл. 25).

Таблица № 25
От кого зависит улучшение жизни (в % по итогам опроса)

В первую очередь улучшение жизни зависит от:	*Адаптанты*	*Маргиналы*	*Инфантилы*
1. От самих себя	63.1	63.8	50.9
2. От Президента России	40.4	39.7	35.4
3. От Правительства России	31.3	39.5	41.6
4. От местных властей	30.8	33.7	31.7
5. От Правительства Удмуртской Республики	20.7	22.3	16.8
6. От Президента Удмуртской Республики	20.2	20.2	18.6
7. От начальства по месту работы	19.7	21.5	24.8
8. От Государственного Совета Удмуртской Республики	9.1	5.6	4.3
9. От Федерального Собрания Российской Федерации	8.1	3.7	5.6
10. Затруднились ответить	2.5	2.7	4.3
С каким настроением смотрят в будущее			
1. С надеждой и оптимизмом	47.0	33.5	20.5
2. Спокойно, без особых надежд и иллюзий	33.8	35.1	24.2
3. С тревогой и неуверенностью	12.6	27.1	41.0
4. Со страхом и отчаянием	2.5	2.1	7.5
5. Затруднились ответить	4.0	2.1	6.8

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Куда идет Россия…?: Альтернативы общественного развития: I. / Общ. ред. Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян. – М., 1994; Куда идет Россия…?: Альтернативы общественного развития: II. / Общ. ред. Т.И. Заславской. – М., 1995; Куда идет Россия…?: Социальная трансформация постсоветского пространства: III. / Под. общ. ред. Т.И. Заславской. – М., 1996.

[2] *Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А.* Тенденции политического развития России // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М., 2001. – С. 194.

[3] Там же.

[4] Тексты опубликованы в: Федерализм власти и власть федерализма / Авторы и составители: А.Н. Аринин и др. / Отв. ред. М.Н. Губогло. – М., 1997. – С. 280–183, 536–556.

[5] *Бегунов А.Г., Семенов Ю.В., Шишкин М.И.* Местное самоуправление: Проблемы и пути совершенствования. – Ижевск, 1998.

[6] Удмуртия в годы реформ: 1990–2001: Учебно-методическое пособие. – Екатеринбург, 2002, – С. 6–7.

[7] *Басов Б.П.* Трудовое время перемен. – Ижевск, 1995; *Воронцов В.С.* Определение своей этнической принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // Этническое возрождение удмуртов: Истоки, проблемы и пути решения. – Вестник УдГУ. – 1997. – № 8.

[8] Удмуртия выстояла: Из интервью А.А. Волкова – Президента Удмуртской Республики // Сенаторы России. – М., 2001. – С. 62–63; Цит. по: Удмуртия в годы реформ; 1990–2001. – Екатеринбург, 2002. – С. 282.

[9] Волков А.А. Указ. интервью // Там же. – С. 284.

[10] *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т.1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: Предпосылки перемен в условиях труда и уровня жизни. – М., 2000. – С. 4.

[11] Источник: *Губогло М.Н.* Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. – Т.I: Истоки. – М,. 1996. – С. 265.

[12] *Губогло М.Н.* К изучению ресурсов мобилизационной этничности: Вместо предисловия // Ресурсы мобилизационной этничности / Отв. ред. М.Н. Губогло. – Москва; Уфа, 1997, – С. 16–17.

[13] Конституция Удмуртской Республики. Удмурт Элькунлэн Конституциез. – Ижевск, 1995. – С. 4.

[14] Подробнее см.: *М.Н. Губогло.* Языки этнической мобилизации. – М., 1998. – С. 745, 755–758.

[15] Источник: *М.Н. Губогло*. Развивающийся электорат России… – С. 274.

[16] Мониторинг общественного развития // Экономические и социальные перемены. – 1995. – № 2. – С. 9.

[17] *Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А.* Тенденции политического развития России // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 180.

[18] В шкалу ответов по вопросу о Родине в ходе опроса 2002 г. была введена дополнительная категория «город, в котором я живу», поэтому мы вправе суммировать ответы о городах с ответами об Удмуртии как Родине респондентов.

[19] Федерализм власти и власть федерализма. – М, 1997. – С. 117.

[20] *Рукавишников, Владимир, Халман, Лук, Эстер, Питер.* Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения / Пер. с англ. – М., 1998. – С. 198.

[21] Там же.

[22] *Инглехарт Р.* Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. – Полис. – 1997. – № 4. – С. 6–32; Цит. по: *Рукавишников, Владимир, Халман, Лук, Эстер, Питер.* Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. – М., 1998. – С. 233–234.

[23] Цит. по: *Рукавишников, Владимир, Халман, Лук, Эстер, Питер.* Указ. раб. – С. 234.

[24] Там же. – С. 235.

[25] *Коэн, Стивен.* Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. – М., 2001. – С. 24.

[26] *Рукавишников, Владимир, Халман, Лук, Эстер, Питер.* Политическая культура и социальные изменения: Международные сравнения. – М, 1998. – С. 135, 139.

[27] *Магун В.С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: От 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия…?: Социальная трансформация постсоветского пространства. – Том III / Под общей ред. Т.И. Заславской. – М., 2001. – С. 308.

[28] Подробности см.: *Попцов, Олег.* Тревожные сны царской свиты. – М, 2000. – С. 74–75.

[29] *Коэн, Стивен.* Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. – М., 2001. – С. 133–134.